

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева

Девять писем,
с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным и Послесловием
ПИСЬМО ПЕРВОЕ

17 июня 19...

Мой дорогой. Книга, которая благодаря Вам вошла в мою жизнь, не случайность [1].
Когда я прочла на обложке его имя, то почувствовала, будто в мою голову
вцепились чьи-то когти.

Вы не знаете – Вы совершенно не знаете, – как все верно. Но Вы ничего не знаете.
Вы просто слишком чувствительны (нет, Вы – чувствующий: не душой, а подобно
волку, кончиком морды: не сердцем, а чутьем), – временами Вы безошибочны.

Я не преувеличиваю Вас, все это находится в пределах темного (у которого нет
пределов: сама беспредельности – чашобы и шубы (все тот же волк, который –
заметьте – возвращается).

Я знаю Вас, знаю Вашу породу, Вы больше в глубину, чем в высоту, это всегда
будет погружение в Вас, а не подъем; я употребляю эти слова ни в каком ином
смысле кроме как: чувство направления.

Погружение в ночь (которая мне видится лестницей – ступенька за ступенькой, –
притом что последней не будет никогда).

Погружение в самую ночь. Вот почему мне так хорошо с Вами без света. (“Деревня
сорока огней...” С Вами я – деревня без единого огня, возможно, большой город,
возможно – ничто – “когда-то было...”. Ничто не обнаружит меня, ибо я потухаю
целиком.)... Без света, в засаде наших голосов. Вот почему все такие часы Вашей
Жизни Вы будете со мной: присутствующий в отсутствии.

Есть люди страстей, люди чувств, еще есть люди ощущений; Вы – человек эманации.
Вы постигаете мир кожей: это не меньше, чем душой. Вашей кожей Вы постигаете и
души, и это более надежно. Ибо Вы – мастер своего дела. Нет необходимости
дотрагиваться до Вас рукой, достаточно лишь смутно этого захотеть. Чутье
намерений. Гений намерения. Мгновенный слепок намерения. Инстинкт зверя. (Если
бы я знала, что это так просто!)

Бедная я, которая возле Вас чувствует себя окоченевшей и словно бы наглухо
замороженной (завороженной). (Не делайте из меня ни глухую, ни немую, я совсем
не такая: что же до слепоты – вспомните Гомера.)

Я не преувеличиваю Вас в моей жизни, даже на моих пристрастных, милосердных,
снисходительных весах Вы – легки. Я даже не знаю: есть ли Вы в моей жизни? В
просторах моей души – нет. Но там, на подступах к душе, в некоем между: небом и
землей, душой и телом, собакой и волком [2], в пред-сне, в после-грезье, там, где
“я не я, и собака не моя”, там Вы не только есть, но только Вы один и есть.

Вы смутно напоминаете мне одного моего друга прежних лет, автора целой породы
моих стихов, в которых никто меня не признает, за исключением всей его породы,
которая там узнаётся целиком. Но я не хочу говорить Вам о нем, я уже давно его
забыла, поставила на нем крест, я хочу радоваться Вам и тем темным силам,
которые Вы извлекаете из меня, словно открыватель родников.

Открывателю родников не нужно осознавать: ни своей силы, ни ценности родника.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это – дар, как и всякий другой, и потому чаще всего дается не ведающим и неблагодарным. Как все дары, кроме дара души, которая не что иное, как совесть и память. (Чтобы немного посмеяться: если Вы источниклов, то я Крысолов из немецкой сказки, который уводит своей флейтой крыс и детей – а может, и родники тоже!)

Все последние годы я жила настолько иначе, настолько сурово, столь замороженно, что теперь лишь пожимаю плечами и удивленно подымаю брови: это – я??

Вы меня разнеживаете, как мех, делаете человечнее, женственнее, прирученное. Одни женщины будут говорить Вам о Ваших высоких моральных качествах, другие – о Ваших прекрасных манерах. Пусть. А я вижу только огонь (лишьего хвоста). Но мех, разве это меньше? Шерсть – это ночь – пещера – звезды, – голос, его рык (шерстяной зов) – и еще простор...

Мой неженка... (тот, кто делает меня нежной, кто учит меня этому чуду: быть нежной, нежить...)

ПИСЬМО ВТОРОЕ

19 июня, ночь

Вы освобождаете во мне мою женскую суть, мое самое темное и наиболее внутреннее существо. Но от этого я не менее ясновидяща. Вся моя зрячесть обратной стороной имеет – ослепление.

Мой нежный (тот, кто меня делает...), всей моей неразделимой двойственностью, двойной неделимостью, всем моим существом двуострого меча (наделенным этим утешительным единством: ранить только меня самое) я хочу в Вас, в Вас, как в ночь. “Строфы и грезы”, а проще: прочесть и уснуть. (Оброненные Вами слова, я помню их все.) Скольким виделись во мне только строфы.

Всё с душою, друг, и всё – в душе. (Фонтан, сам себя вспаивающий. Великие фонтаны Великого Короля.) Кожа сама по себе не существует... Вы, с Вашим звериным чутьем, гениальным чутьем, это знаете. Мое “шерстяной, как таковой”.) Шерстяной – это не только зверь, но и растение тоже: ель, сосна, мой можжевельник, столь любимый...

И если дать Вас в красках, Вы – коричневый. Как Ваши глаза.

Мой дорогой, я никогда еще никому не писала подобных писем (с тех пор как держу перо, нет – как перо держит меня, – нет – когда у меня еще были мои ангельские перышки, – всем, всегда. Но, однако, верьте мне).

Я все знаю, Человек, знаю, что Вы поверхностны, легкомысленны, пусты, но Ваша глубокая звериность затрагивает меня сильнее, чем другие души. Вам так хорошо ведомо чувство холода, жары, голода, жажды, сна. Помимо Вашей пустоты, есть пустота, которую мы не можем представить иначе как наполненной звездами или атомами, то есть населенной живыми мирами. Будьте пусты, сколько Вам угодно, сколько Вы сможете: я – жизнь, которая не выносит пустоты.

Дитя мое (позвольте мне так говорить...), мальчик мой! Если иногда я не отвечаю Вам прямо, то потому, что есть слова, которые в иных стенах не должны звучать, которые в иных стенах сам воздух не выносит. Стены же выносят всё и ни от чего не страдают, и это единственная вещь, которую не выношу я, и это они, которые заставляют меня больше всего выносить страдания. Ибо знайте: та, что в Ваших глазах слывет словесницей, в самые великие часы своей жизни – не что иное, как спартанец с его лисенком. (Смеюсь: с целым выводком лисят!)

Не знаю, быть может, в Вашей жизни Вы залюблены (перекормлены любовью).

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Возможно, да. Но я знаю (и услышите это в тысячный раз!), что ни один, (ни одна) никогда так Вас... У всякого тысячного раза есть свой тысяча первый. Мое так не есть мера веса, ни количества, ни протяженности, это – мера качества: сути. Я люблю Вас ни столь, ни настолько, ни до... – я люблю Вас так. (Я люблю Вас не столько, я люблю Вас как.) О, сколько женщин любили Вас и будут любить еще сильнее. Все будут любить Вас больше. Ни одна не будет любить Вас так. Если моя любовь во всех жизнях единственна, то единственно из-за своей двойной сути с любимым и с собой. Вот почему ее никогда не принимают за любовь.

“Любите меня великим, любите меня красивым, любите меня всяким!” Что до меня, я всегда хотела и даже требовала, чтобы меня любили такой, какова я есть, за то, что я такая, потому, что я есть. Не за то, какой, по-Вашему, я могла бы, должна бы, долженствовала бы быть. Пусть любят меня, меня, а не идеальное и фальшивое существо, порожденное воображением поэта третьего ряда и последнего часа, который так и любит, если он не прирожденный поэт и не прирожденный мыслитель. Я всегда предпочитаю быть сфотографированной, отраженной, повторенной, плохо трактуемой, каковой меня делает безразличие объектива, нежели написанной, то есть хорошо трактуемой, идеализированной, оживленной художником, в отношении которого я даже не уверена, что у него есть душа, и который часто – не что иное, как рука единственной и всегда одной и той же мании.

Не судите обо мне хуже, чем меня создала природа – или делает зеркало, – вот все, о чем я покорнейше прошу художника и возлюбленного. “Каждое лицо всего лишь отправная точка”. Пусть так, но хорошо ли Вы поняли суть моего (своего) направления? Того, чем я в действительности стала бы, до чего я бы в действительности поднялась, если бы.. Можете ли Вы хотя бы следовать за мной – Вы, кто хочет меня обогнать, – чтобы направлять меня? Великий мастер может создать нечто идеальное, ибо он создает то, что долженствует быть, реальность в потенции. Высокую реальность. Другим же, малым мастерам в искусстве и в любви, остается только творить (рисовать, любить) с натуры. Сотворите меня – ест можете.

Я всегда предпочитала быть узанной и посрамленной, нежели выдуманной и любимой. Взгляните на меня всею пристальностью Ваших глаз или принимайтесь “создавать” женщину, которая возле, которая будет за это Вам только признательна и которая узнает себя в каждом из Ваших “портретов”, потому что она не знает себя, – это понятно, ведь в ней нечего узнавать. Ничто, принимающее любые формы. Что до меня, то я уже создана, и создал меня Бог. Достаточно одного создания. Такого создателя.

Я свою суть явила бы лишь в любви того, кто выбрал бы меня меж всеми существами, прошлыми, настоящими, будущими; мужчинами, женщинами; существами из воды, из огня, из воздуха, из земли, из неба. И многими еще – ведь есть другие планеты!

Такова я. Если я Вас огорчила – простите мне, что я есмь.

* * *

И подумать только, если бы мы были вместе, я бы ничего не узнала из того, о чем только что поведала Вам! Как все обретается, когда расстаются. Как все соединяет даль.

* * *

Мой маленький! Сейчас четыре утра, я с Вами, лбом в Вашем плече, я готова отдать Вам все свои стихи, прошедшие, пришедшие, те, что придут, – не как некую ценность, а как нечто, нравящееся Вам.

И еще это, – хотите?

Верность: невозможность другого (быть другим). Все прочее – Люцифер (гордость) и Лютер (долг). Как видите, моя голова пользуется моим сердцем.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

И уведите меня как-нибудь вечером – на весь вечер. Чтобы, обретя Вас, я немного Вас забыла. Чтобы мы вдвоем несли Вас.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Когда я только что сидела подле Вас на этой бродяжьей скамейке – больше в отдалении, чем рядом, – моя душа исходила нежностью, мне хотелось поднести Вашу руку к моим губам и держать ее так долго-долго...Скамья покинутая,

Скамья бродяжья...

(Покинутость. Богатство бедности – в одном слове даны две вещи, в одном звуке – два смысла: расширительный, уточняющий).

Но Вы видели, мы расстались... вежливо. (Вот первые ласточки! Наш невозможный час!) Я могу без Вас. Я ни девочка, ни женщина, я обхожусь без кукол и без мужчин. Я могу без всего. Но, быть может, впервые я хотела этого не мочь.

Возможно, Вы скажете мне: “Мне нечего делать с Вами – такой (слабой, как все прочие, и гораздо менее красивой)”. В таком случае: пусть будет так! Но только пусть между нами не будет одного: обмана. Я хочу, чтобы ты любил меня всю, всё, что я есмь, все, что я собой представляю. Это единственный способ быть любимой или не быть любимой. Я не боюсь об этом говорить, не бойтесь и Вы того, что имеет значение лишь для меня и никогда не будет иметь для Вас. Когда вновь начнутся Ваши танцевальные па, я сделаю лишь один прыжок, как прыгают из лодки, заставляя ее плясать на воде. Вы ничего не узнаете о моей боли. Не будет даже пустоты, поскольку я никакого места в Вашей жизни не занимаю. Что касается “душевной пустоты”, то чем больше душа пуста, тем лучше она наполняется. Лишь физическая пустота идет в счет. Пустота вот этого стула. В Вашей жизни не будет стула, пустующего мною.

Наша вечность – на час, она уже проходит. Я хочу от Вас только одного: позволения любить Вас, – ничего, кроме этих бедных слов: “Люби меня, как тебе хочется и как не хочется: со всем, что есть в тебе”.

Я не говорю о жизни. Я не говорю о течении часов. Я знаю, что все жизни и все часы заняты, и я последняя, пожелавшая посягнуть на право собственников (права и собственники – две вещи, которые я равно презираю). Моя любовь не соответствует никакому времени, никакому месту. Эта любовь никогда не будет вхождением в такую-то комнату в такой-то час. Это будет выхождением из всего, начиная с моей собственной кожи! Когда все кончится, это будет великое возвращение меня самое. Пока я Вас люблю. Вы всегда найдете меня между собой и мною; никогда в Вас или во мне. В пути, как струя фонтана или как поезд. Какое время когда-либо удержало любовь, ведь душа сама изливает ее целыми волнами (я люблю тебя неудержимо – где? – в моем теле!), ведь ее первое слово – “всегда”, ее последнее слово – “никогда”. Полночь – не более ее час, чем полдень, все это из любовного жаргона, из обихода – такого изношенного! То, что время удерживает, полагая, что удерживает любовь, – нечто другое. Это отречение от любви. Всякая дорога, которая приводит к комнате, – ложа; она единственная, по которой никогда не позволяю бежать моим ногам.

Я говорю о Вашем соединении с моим внутренним бегом, ибо я и его тоже могу сдержать. Я уже его сдерживаю. (Уже – больше не сдерживаю!)

Я хочу от Вас моей свободы к Вам. Моей уверенности в Вас. Я хочу от Вас моей любви к Вам, Вами принятой. И еще: знать, что это Вас не стесняет.

Небо светло. Налево, над молодой колокольней – заря. Это невинно и вечно. Я люблю тебя, как могла бы любить твоего сына, которым ты должен бы быть.

Не думай, что я презираю твое простое земное существо. Я люблю тебя всего целиком, с твоим взглядом, твоей улыбкой, твоей походкой, твоей ленью – врожденной, родной, естественной, – со всем этим твоим смутным (для тебя, не для меня) началом души: доброты, сострадания, самоотречения. Пусть всего этого не будет ни для меня, ни от меня – не важно! Я столько хочу от тебя – что просто ничего не хочу. (Лучше не начинать!)

Но знай, мой повелитель на час, что никогда никто тебя... (не столь, но так. Самое-пресамое так, мое так). И даже оставив тебя, уступив тебя, как я уступаю всё всем, дорогу любому – я никогда не уйду из твоей жизни.

Рассвет. Я спокойна, словно умерла, и в этой абсолютной ясности неба и головы говорю тебе: “Мне нужны с тобой вся берложность берлоги и весь простор ночи. Вся ночь снаружи и вся ночь внутри”.

Какое убожество земная жизнь. Какая покинутость.

Я прижимаю к губам твою руку. Пиши мне, пиши же мне. Я буду спать с твоим письмом. Мне нужно от тебя что-нибудь живое.

Все небо в розовых раковинах. (Если небо – только пляж, то что тогда море?) Наиболее чуткий час. Спи в мире. Первые шаги на улице, идет рабочий. И птицы.

* * *

Рассвет июньского дня, суббота.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Еще несколько слов в Ваш утренний сон – только что рука, от переполняющей меня нежности, не смогла удержать перо.

Два камня, две несущих блаженство горы на моем сердце – от меня к Вам – я колеблюсь: нужно, чтобы Вы знали об этом, но если у Вас есть душа. Вы будете страдать от этого. Лучше подождать. Не два камня: две жесткие мечты, невозможные в этой жизни, невообразимые в другой, врожденная жажда, рожденная прежде меня, жажда, во всем моем существе наиболее сокрытая, запечатанная, как вода в колодце – камнем Рёнштеттена, чтобы Ундина не смогла вернуться к себе: обрести себя. (Всякая врожденная вещь – рожденная до нас. Наша врожденная жажда – это наше родное море.)

Эти две жажды – не что иное, как одна, одной нет без другой. То, для чего я пришла, чтобы жить, то, без чего должна буду уйти.

Кто знает? Однажды Вы произнесли при мне (я видела Вас только мельком) слово, уже тогда ожегшее меня болью. (Не забывайте: я живу вперед, я обгоняю жизнь!)

Настанет день, когда это письмо станет для Вас таким же ясным, как буквы моего почерка. Но этот день придет слишком поздно.

* * *

Утро того же июньского восхода.

(Только у истинно великого человека это письмо не вызовет тщеславной улыбки. Великого во всем или великого в любви. Казанова плакал из-за куда меньшего!)

Посмертная ремарка.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

ПИСЬМО ПЯТОЕ

25 июня, воскресенье

Друг! Меня терзают сейчас два искушения: Вы и солнце. Две поверхности: одна – песчаная, моего листка, другая – каменная, моего балкона. Обе чистые, обе жесткие, обе усыпляют. Пусть будет песчаная!

Вчера вечером не было света, и я локти себе кусала от желания писать Вам (от ярости, что не могу этого делать). У меня были для Вас, к Вам, слова такие истинные, такие яркие. Это накатывало, накатывало, как поток. Это был самый мой час с Вами, который у меня похитили, украли, вырвали. Я легла на пол и рычала, как собака.

Я поняла одну вещь: с другим у меня было “р”, буква, которую я предпочитала, – самая я из всего алфавита, самая мужественная:

мороз, гора, герой, Спарта, зверь – все, что во мне есть прямого, строгого, сурового.

С Вами: шелест, шепот, шелковый, тишина – и особенно: cheri![3]

Мой дорогой, я знаю, что это неправильно: с утра любить вместо того, чтобы писать. Но это случается со мной так редко, так никогда! Я все время боюсь, что я грежу, что вот сейчас проснусь – и снова гора, герой...

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

26 июня, ночь

Мой дорогой, то, что так мгновенно исчезло, чего Вы даже мельком не увидели, настолько быстро я завладела им, было письмо к Б.

В то время как я пишу об этом. Вы спите. Все Ваше непостоянное существо вызывает во мне нежность! Ваша усталость (откровенная зевота хищника). Ваша дрожь от холода. (“Не знаю, почему у меня стучат зубы”), у входной двери, – я-то хорошо знаю почему: потому что пришлось три часа поспевать за мной по пустынным улицам столицы и не менее пустынным просторам моей мысли. (Без единой чашечки “черного кофе”, что касается Вашего тела, и без единой улыбки, что касается Вашего сердца.)

Сколько нежности вызывает во мне Ваш ночной голод, внезапный, но неумолимый. Ваше...

– Но Вы делаете из меня какое-то животное!

Я ничего не знаю. Я люблю Вас таким.

И вот что еще я поняла. Вы добры: есть вещи, которые Вас огорчают, причем необязательно те, что касаются Вас. И еще Вы чувствительны: есть вещи, которые причиняют Вам боль, притом необязательно вещи физические. (Мне больно. Что болит? Палец? Нет. Голова? Нет. Зубы? Нет. Болит не тело. Душа, вот что болит.)

Дорогое мое дитя, я беру в руки Вашу дорогую голову – какое странное ощущение: вечность черепа под брэнностью волос, вечность скалы – брэнность травы на ней... Теперь слушайте: это настоящая жизнь. Вы спите, я вхожу. Я сажусь на край этой большой кровати – реки, которая есть наш сон, великой реки, которая есть наша мечта, вижу руку, свешивающуюся с кровати, завладеваю ею (не совсем мое слово), подношу (действие типично мое!) ее к своим губам... И вот Вы открываете глаза.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я говорю всякие глупости. Вы смеетесь, я смеюсь, мы смеемся. Ничего любовного: ночь принадлежит нам, а не мы ей. И по мере того, как я делаюсь счастливой – счастливой, потому что не влюблена, оттого, что могу говорить, что не надо целовать, просто исполненная ничем не омраченной благодарности, – я целую Вас.

Вы так мило, так человечно целуете меня (уничтожьте мои письма!). Ваша душа являет себя здесь наиболее осязаемо. Но как я не поняла раньше: зверь[4], может ли быть что-нибудь одушевленное зверя? 1) потому что достаточно убрать одну букву “л” и получается “душа”; 2) потому что у него еще остается на одну букву больше, чем у “души”. И если говорить серьезно: зверь (animal) – существо в высшей степени одушевленное (animate). Почти имеющее душу (ame).

С Вами никакой тяжести, никакой глухоты, никакой двусмысленности. Мы в знакомой стране. Хорошо, очень хорошо, больше. чем очень хорошо, чем очень-очень хорошо, если это возможно... И все время остаюсь сама собой. Это не зло-деяние, это у-благо-творение, и прежде всего – творение добра. Да. Вы добрый. Вы ни враг, ни соучастник. Товарищ. В Вас – ничего сумеречного. Всё – тьма.

Как бы я хотела – как хотела бы – самое умиленное, что может быть, – как я хотела бы, чтобы Вы начали засыпать и бормотали бы какие-нибудь слова, которые тонули бы во сне, – всей этой нежности, что являет собой предсонье. Чтобы лучше любить Вас. Ведь в таком состоянии души наименее вооружены, а значит, больше располагают к любви.

(“Преддверие сна... обезоруживание душ...”)

Дорогой друг, я лишь начинаю Вас любить, еще ничего не гнет (все будет!). Я еще только делаю первые шаги. Вслушивание.

Я так хотела бы – таких слов от Вас, которых никогда Вам не назову. Чувство: ничего не опережать, обострить внимание (собрать все силы), замереть, чтобы услышать Вашу жизнь (рождение?). Любовь – это всего лишь большое ухо (мне хочется сказать – слух рыбы), потому-то она и слепа: ничего не видеть (знать), чтобы все слышать (понимать). (“Бабушка, почему у вас такие большие уши?” – “Чтобы лучше тебя слышать, малышка”. Длинные, длинные, длинные уши любви!)

Но оставим уши – все действительно может стать большим, но каждую вещь мы можем исказить нашим вмешательством. Не будем торопиться.

Настанет час, когда я больше не буду смеяться – о, я знаю, но этого еще не будет ни сегодня, ни завтра, и никто в мире, даже Вы, Вы сами, не сможет его ни отдалить, ни приблизить.

Это будет лишь ступенька в бесконечной лестнице: ночи.

Друг, говорю Вам наперед, не позволяйте приметам обмануть себя: руки и губы – нетерпеливы, это дети, надо, чтобы они умели терпеть (чтобы они не мешали нам), ведь не они (губы и руки) важны, не они берут верх. Это будет лишь переход.

Доброй ночи. Прочтите это письмо, прежде чем уснуть, и быстро, карандашом, который уже падает из рук, – несколько слов, не думая.

Сегодня вечером в кафе на секунду мне стало очень плохо. Вы тут ни при чем, все дело в моей безмерности, – Вы не должны об этом знать.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спите. Я не хочу пронзать Вас собой, не хочу ничего преодолеть, не хочу ничего хотеть. Если это судьба, а не случай, не будет ни Вашей воли, ни моей, не будет, не должно быть, ни Вас, ни меня. Иначе – все это не имеет никакой цены, никакого смысла. “Милые” мужчины исчисляются сотнями, “милые” женщины – тысячами.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

28 июня, ночь

Друг мой! Ибо я обращаюсь к любящему равнодушию. Хотите услышать правду, правду, которую Вы никогда не услышите от того, кто Вас любит, и еще меньше от того, кто не любит Вас.

Вы недавно сидели за столиком. Вы слушали музыку, стихи, меня. Сейчас я у себя одна – и я думаю. И первая мысль: прежде всего это человек наслаждений. О, не поймите меня превратно: я знаю вес этого слова и самого понятия, и именно потому, что знаю, прихожу в отчаяние, ибо эта болезнь неизлечима. Наслаждение – не: женщины, лошади и другие общие места плоти, но: растение, звук, свет. Всё достигает Вас, но только через кожу, которая у Вас бесконечно глубока и которая, боюсь, заменяет Вам душу. Всё ласкает Вас, гладит, словно ладонью. Мне было бы интересно знать: чем Вы слушаете Бетховена? Не внушайте мне, будто Вы его не любите. Я боюсь слишком окончательной трещины, ибо бетховенское “через страдания – к радости” – мое первое и последнее слово на земле – и на не-земле!

Я люблю ладонь, вся жизнь заключена в ладони, но послушайте: нельзя так – ничего, кроме ладони! И есть нечто лучшее, чем “жизнь”!

А что Вы делаете с твердой открытой верхней частью кисти, с напряженностью пальцев, с упругостью запястья? Любить то, что тепло, гладко и мягко, – невелика заслуга! Лучше уж было бы оставаться в утробе матери.

Вы любите стихи – даже не как цветы, Вы их любите, как духи: наслаждение, без которого можно обойтись. Но расширяют ли они Вашу душу? А боль, что она в Вашей жизни? (В моей – всё.) Мой любимый! Если бы это было в Вашей жизни необратимо, я бы Вам сегодня ничего не говорила, как ничего не говорят поэту, у которого все стихи ничтожны. Но я еще верю в Вас! То, чего я хочу для Вас, – это боль. Не эта грубая боль, что сваливает нас, как удар дубины, и делает нас осликами или мертвецами, а другая: та, что превращает наши жилы в струны скрипки под смычком! И чтобы Вы подчинились ей всем Вашим существом. Чтобы Вы отдали ей всю Вашу свободу и всё место, занимаемое в Вас наслаждениями, чтобы Вы не сводили с нею счеты словами (вечно мужскими): “больно, я не хочу”. Чтобы Вы, который весь – только кожа (а Ваша кожа – глубокая поверхность), в некоторые часы оставались без кожи. С содранной кожей, с незащищенной плотью.

Я не хочу, чтобы Вы, такой... такой... такой... (все прилагательные восхищения, которые Вы отыщете) в искусстве отталкивали от себя что бы то ни было, “потому что это причиняет боль”. Это должно причинять боль, иначе “это” – чем бы оно ни было – не есть, не имеет права называться “этим”, и оно меньше, чем ничто. Вы не любите (не хотите) Бетховена и отступаете перед Микеланджело – пусть это будет Вашей силой, а не слабостью, отрицание знанием, а не обоими закрытыми глазами и закупоренными ушами – бедный страус в сей пустыне, именуемой – наслаждение! (Ничто мне так не напоминает о наслаждении, как песок, и об ощущении песка, как наслаждение. Сколько бы Вы ни погружались море, в целое море. Вы все равно начнете задыхаться от сухости, бесконечно распыленной, которая никогда не станет целым!)

Ах, мой маленький! Перечисляя Ваши звериные добродетели (“Вам так хорошо ведомо чувство холода, жары...”), я забыла одну существенность: чувство страха. Ибо Вы от страха не любите Бетховена, от того же страха, который заставляет волка выть в полнолуние, собаку под звуки рояля.

Я не могу, чтобы Вы были слабым, – потому что я не смогла бы Вас любить. (Любить, презирая, – это для других!)

Будьте слабым в обстоятельствах так называемой частной жизни, но есть жизнь вне обстоятельств, и она не выносит ни слабости, ни частностей. Вспомните, что эпикурейцы из всех искусств жизни лучше всего практиковали искусство умирать. Эпикур обязывает. Будьте...

* * *

Это слово случайно оказалось последним. Не случайно это слово оказалось последним.

* * *

Бесконечно (не по времени, но внутри того, что не имеет времени, того, что не-время) – бесконечно! Вы дали мне все: все мои возможности человеческой нежности, столько печали, столько желаний... Сделайте же так, чтобы Ваша грудь – эта клетка с прутьями – нашими ребрами – заключила в себя и меня; нет, чтобы я там была свободна, нет, – чтобы я потерялась там; расширьте ее, расширьте себя, не для меня: я ничто, но для всего того, что через меня хочет проникнуть в Вас.

Возьми меня с собой в твой глубокий сон, я буду спокойна, возьми только мое сердце. Как я хотела бы однажды (“однажды жила-была...” – вся моя жизнь была не чем иным, как ожиданием того, что “однажды жить будет”; то, что “будет”, так же маловероятно, как то, чего не было совсем...) Итак, я непременно хочу-понимаешь? – (я – нет: глагол, время, наклонение – так мало мои!) я непременно хочу в какой-нибудь день увидеть тебя спящим – день, который был бы ночью, – иначе это (жажда тебя, спящего. Спящего красавца) будет меня преследовать до самого моего последнего часа.

Поцелуй за меня мою вторую жажду.

* * *

Заметка на полях:

(“Надежда крылата”. Мои надежды – камни на сердце: желания, у которых не было времени стать надеждами, тотчас, наперед, стали безнадежностями, тяжестью, тягчайшей тяжестью!

Дай мне Бог никогда больше не надеяться для себя!)

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

2 июля, ночь

Дорогой друг! Ваше письмо похоже на Вас (я читала его более осмысленно, чем Вы его написали). Это по-прежнему – линия наименьшего сопротивления.

Ваше письмо мне понравилось: за два дня я перечитала его четырежды. Я только хотела узнать одну вещь: Вы писали его для меня или для себя?

...Бросив весла, плывя по течению, на спине. Вашей и волны. Откуда у Вас еще взялись силы держать перо? (Не силы, а побуждение!)

Все места, которые мне не удалось расшифровать с первого взгляда, остались и останутся для меня темными. Утешаю себя тем, что они, вероятно, были наиболее нежными. Напрасно Вы говорите, что “запинались” в Вашем письме. Все вполне гладко, текуще, бегуще. Кто не хочет, тот не запинается. Ничего темного, исключая почерк. И Вы считаете, что Вас уже захлестнула лирическая волна?

Вы любите слова. Вы питаете к ним нежность. Ваша нежность, предназначенная мне, не что иное, как она же, предназначенная им. Не знаю, любите ли Вы глагол, требующий большего, требующий – всего. Но вот в чем я уверена: если Вы меня и любили, то через мои стихи. Другие через меня любили мои стихи. В обоих случаях

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
меня скорее терпели, чем любили. Чтобы быть ясной до конца: во мне всегда было нечто чрезмерное для тех, кто ко мне приближался: “нечто” читайте: огромная половина, вся безмерная я, или, что то же: живая л или живое я моих стихов. Никто не догадывался, что это два лика одной и той же силы, силы, которая могла бы быть тысячей, но оставалась бы тем не менее единым целым. Но Ваш лоб хмурился – в благородном усилии сосредоточиться – и Ваши челюсти сжимаются в не менее похвальном усилии подавить неумолимую зевоту.

Впрочем, как говорят немцы, “ich schenke es Ihnen” (по-французски: я Вам это прощаю). Подарите мне в награду мундштук, но чтобы это был ни янтарь, ни серебро, ни пенка, ни слонобая кость – ничто, что пахло бы вещественностью. Я потеряла свой вчера во время долгой прогулки с Б. Перечень моих просьб удлинится. (Слово женщины-поэта: “Столько просьб у любимой всегда! У разлюбленной просьб не бывает...” На этот раз “столько просьб” – у любящей!)

А вчера я весь вечер защищала Вас, с рыцарским пылом, над которым смеялась сама. Все, в чем Вас обвиняют, верно, но это моя забота, не других – ни у кого, кроме меня, не хватит духа (простодушия!) страдать из-за Вас. “Он заставляет нас попусту терять время!” Меня “он” заставляет терять лучшее.

В Вашем письме есть слова нежности, которые ласкают мое сердце: слова-ладони. Хорошо засыпать с таким письмом. Спасибо.

И слова правоты – в моем: они должны распрямить Ваше сердце: слова-пальмы. Хорошо бодрствовать с таким письмом. Благодарите же.

Пока еще мне Вас не недостает, но я знаю, еще три дня – и мне Вас будет недоставать. (У меня свой хронометр отсуствий.) И потом Вы у себя дома, слишком думать о Вас означало бы заставить и Вас подумать обо мне, то есть вдохнуть в Вас свежего воздуха, дать Вам свободу. А я против всякого насилия, даже освободительного.

Но если Вы все-таки думаете обо мне по своей воле, знайте, что Вы меня ниоткуда не уведите, что я уже уведена отовсюду и от самой себя – к единственному, к чему не дойду никогда. (Какое малодушие говорить Вам об этом!) И, чтобы быть совсем точной, чтобы не обременять Вас даже тенью ответственности: я рождена уведенной!

Продолжайте писать мне. Второе письмо – испытание. Испытайте себя! На пределе нежности (расточив ее). Это глубоко и точно, но это не все. Ибо, видите ли, лишь когда достигаешь предела (нежности ли, другой ли силы), познаешь ее неисчерпаемость. Чем больше мы даем, тем больше нам остается; как только мы начинаем расточать – оно прибывает! Вскрываем жилы – и вот мы – живой источник.

...Я хотела бы прочитать Ваши стихи. Вы мне дадите их? Я прочту их внимательно и скажу Вам правду. (Правда! Великолепная приманка для любителя и любимого, которые только и существуют тем, что прячут ее от себя. Вот почему он никогда не дал их мне. Заметка на полях.)

Вы, конечно, больше не будете мне писать – ведь у Вас они есть, мои стихи. Вы как ребенок, которого заставляют идти, показывая ему яблоко, – все время показывая, никогда не давая, – как только он его получит, он остановится. У Вас оно есть, яблоко.

Вы больше не будете мне писать: днем – море, а ночью спят.

Когда я уеду – вот и не знаю, что сказать. Я гляжу на Вас через плечо (жест, который Вы мне приписываете, быть может, он и в самом деле мой), – не на Вас, а

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
на самое себя, на такую себя, на себя, которую я вот-вот опережу.

* * *

Мой любимый! Завтра или послезавтра я спрошу у Вас, что Вам, в точности, приснилось в четверть второго ночи сегодня, в воскресенье. Мне приснилось, что Вы умерли.

Вспоминаю Вашу голову: по утрам – выющуюся барашком, днем – укрощенную, перечеркнутую пробором; по глубоким вечерам – растрепанную, самую юную. И всю Вашу небрежную нежность. Но не должно слишком думать о Вас.

Спокойной ночи. Если Вы спите спокойно. Вы обязаны этим мне. Я могла бы быть злой, как другие, но тогда это была бы не я, и если бы Вы любили меня под воздействием моей злости, то Вы любили бы не меня. (Смогла ли бы я быть злой, как Другие?)

Я всегда предпочитала заставлять спать, а не лишать сна, заставлять есть, а не лишать аппетита, заставлять мыслить, а не лишать рассудка. Я всегда предпочитала давать – избавлять, Давать – получать, давать – иметь.

P.S. (Неожиданная мысль.) Истинный палач, палач средневековья, – тот, кто имел право поцеловать свою жертву, тот, кто. Дарует смерть, а не тот, кто лишает жизни. Это не одно и то же. Подумайте над этим.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

9 июля, полночь

От усердия (напряжения) я внезапно и беспробудно заснула. Я подстерегала Ваши шаги, я не хотела бы когда-нибудь признаться себе, что проглядела Вас, – в трижды печальных значениях этого слова: проглядеть свое счастье, проглядеть знаки внимания высочайшей особы, проглядеть, например, матери – своего ребенка, пусть всего однажды – по моей вине. Я растянулась на полу, положив голову на порог балкона, – распласталась на жестком, чтобы не уснуть. Подымаю глаза: две створки двери и все небо. Было много шагов, я вскоре перестала слушать, где-то что-то играло, я почувствовала всю свою низость (низость этих последних дней с Вами – о, без обиды! – я была слаба. Вы были Вы). Знаю, что я не такая, я просто попыталась жить.

Жить – это неудачно кроить и беспрестанно латать, – и ничто не держится (ничто не держит меня, не за что держаться, – простите мне эту печальную, суровую игру слов).

Когда я пытаюсь жить, я чувствую себя бедной маленькой швейкой, которая никогда не может сделать красивую вещь, которая только и делает, что портит и ранит себя, и которая, отбросив все: ножницы, материю, нитки, – принимается петь. У окна, за которым бесконечно идет дождь.

Я все еще полна этим пустым небом. Оно проходило, я оставалась, я знала, что я, прикованная, пройду, что оно, проходящее, будет существовать, пребывать. Небо проходит вечно, непрерывно – надо мной, проходящей непрерывно, вечно. Я – это все те, кто пребыл и увидел так, кто пребудет и увидит так же. Видите, я тоже “вечная”.

Я в это утро?... Я ее даже не знаю. Разве я могу лукавить, хитрить? Я могу лишь кричать: да! – как кричит ребенок: тебе! – раскинуть руки – одну на восток, другую на запад, ни больше, ни меньше... Жизнь, эта насильница душ, заставляет меня играть сей фарс.

Подбирать, ползая на коленках, крошки, оставшиеся от резки?... Нет, нет и нет. Руки за спину и спина – прямая.

Разве могла бы я – даже ценою царствия небесного! – пойти на это? Друг мой, должно иметь небо и для любви. Другое небо, не постельное. Радужное.

Друг мой, нынче вечером Вы не пришли, потому что Вам нужно было писать письма (Вашим). Это уже не причиняет мне боли. Вы меня к этому приучили, Вы и все, ибо Вы тоже вечны: неисчислимы (как другая я. на земле и на небесах). Все тот же Вы, который никогда не приходит к той самой мне, всё ждущей его.

Когда-нибудь, когда у Вас будет время. Вы перечтете мои записи – не только ради их формул и острот, – когда Вы перечтете их, чтобы найти там живую меня, наша встреча предстанет перед Вами в новом свете.

Люди смотрели на меня со своей колокольни, в то время как я была на своей. Вот почему я никого не сужу.

Если считать Вас близким человеком, Вы заставили меня очень страдать, если же посторонним, – Вы принесли мне только добро. Я никогда не чувствовала Вас ни таким, ни другим, я сражалась в себе за каждого, то есть против каждого.

Все это скоро кончится, я уже чувствую, как оно уходит, чувствую под ресницами, внутри губ. Вы ничего не потеряете, останутся стихи. Жизнь наполнится устройством дел. Вам не придется больше быть распятым между Вашими и “другой” (да простят мне Бог и Ваше чувство меры – от которого я так страдала! – чрезмерность образа).

Милый! В сторону всякие ласковости, любезности, нежности, уменьшительности, уничижительности, – Вы дороги мне. Но – мне просто нечем больше дышать с Вами.

Знаю, что будет час Вашей жизни (когда Вам нечем будет дышать, как зверю, задыхающемуся в собственной шкуре), – когда, презрев все мужские дружбы, женские любви, семейные святыни, – Вы придете ко мне – за своей бессмертной душой.

А теперь – спокойной ночи. Обнимаю Вашу темноволосую голову.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ, НЕВОЗВРАЩЕННОЕ

...

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ, ПОЛУЧЕННОЕ
29 октября 19...

Вы поймите, дорогая, как мне трудно писать вам, я чувствую себя таким виноватым перед вами, виноватым особенно оттого, что мне не хватает воспитанности, как внутренней, так и обиходной, которую вы так цените. Но что мы – против болезни? Смотрите на меня как на больного, который в течение многих месяцев был погружен в состояние охватившей все его существо прострации и полной глухоты и немоты.

Все оставляло меня безразличным, и никакая сила на свете не могла заставить меня сделать то, что я считал обязательным для себя. В час, когда я вам это пишу, все это уже позади, и я вновь чувствую в себе прилив той особой энергии, которая приходит после болезни. Я очень огорчен, что мое молчание вызвало у вас ошибочные предположения. Спящие не ходят на почту. (Заметка на полях: “Зато в ресторан – сколько угодно!”) Прошу вас мне верить.

* * *

Я возвращаю вам ваши письма, чтобы вы были абсолютно уверены, что у меня их нет.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я оставил себе лишь одно – последнее, то, которое вы передали мне, когда уезжали. Оно дорого мне как знак, что окончен определенный путь; как последний звук удаляющегося голоса. Но если вы всё же почувствуете беспокойство по поводу этого листка в моих руках, скажите мне, и я вам тотчас же верну его.

Посылаю вам (заказными):

- 1) два пакета писем
- 2) толстую синюю тетрадь
- 3) стихи 19... года
- 4) стихи 19... года
- 5) две записные книжки
- 6) автографы X.
- 7) Buch der Lieder[5].

Себе я оставляю маленькую книжечку цвета замши, куда вы мне переписали стихи, посвященные мне. Не как документ или сувенир, а просто как кусок жизни, переплетенный в кожу. Если я не имею на это права, если это один из ваших “законов” – а у вас они есть на всё! – скажите мне, я вам ее верну!

Пришлите мне, пожалуйста, и как можно скорее, книгу Б. с посвящением, которую я забыл у вас попросить перед вашим отъездом. Вы знаете, как для меня важны автографы! И, пожалуйста, срочным заказным! Пока ее у меня не будет, я не смогу спать спокойно.

* * *

Если вы мне напишете, я вам незамедлительно отвечу. Я пробудился. У меня не остались в памяти обстоятельства моей частной жизни. Я помню только общечеловеческое. Я помню вас на балконе, с лицом, поднятым к черному небу, равно неумолимому ко всем.

* * *

X. посылает вам дружеский привет и просит вас прислать ему какую-нибудь вещь для его журнала. Что вы пишете нового? Переводите ли “Флорентийские ночи”? Думаете ли вы как-то использовать свои записные книжки? Много ли у вас новых стихов? Пришлите их мне, прошу вас, в память о прошлом. Желаю вам всего самого хорошего.

Заметка на полях:

“Все сохранили мои стихи. Все вернули мне мою душу (вернули меня к моей душе)”.

* * *

О коже: “кусок жизни, переплетенный в кожу” – отвратительно представить себе это. И к тому же плохо сказано: три слова вместо одного – сердце. (Сердце в коже.) Кроме того – никакого сомнения, что этот мой корреспондент, подобный некоторым другим в аналогичных случаях, был в восторге от самой физической сущности “маленькой книжечки” (“толстую синюю тетрадь” он мне действительно вернул!), – замша так же приятна глазу, как и руке, и обонянию.

Флорентийские ночи. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вот так даже здесь подтвердилось с почти неожиданным простодушием и почти нечаянной очевидностью это суждение относительно “кожи”, что я вынесла о нем.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ФЛОРЕНТИЙСКИХ НОЧЕЙ

Новогодняя ночь. Бал-маскарад. Залы, гостиные. В одном из них при неярком свете, в удуше обстановки – жалкая, взятая напрокат роскошь! – я без маски, с несколькими знакомыми.

Кружащееся вторжение группы костюмированных, один отделяется от группы, приближается, склоняется в поклоне.

Белый бурнус, тюрбан. Лицо без маски.

– Вы узнаете меня?

– Нет.

– Вглядитесь хорошенько. Возможно ли, чтобы костюм так меня изменил?

(Я “хорошенько вглядываюсь”.)

– Неужели вы и впрямь меня не узнаете? (В голосе, сперва радостном, начинают проскальзывать интонации уязвленного самолюбия.)

Лицо молодое, довольно приятное. Темная шевелюра.

Я, робко:

– Да, да; сейчас мне кажется, что я действительно видела вас, может быть, когда-нибудь где-то... Скорее слышала... мне кажется, что ваш голос мне... (Он все смотрит.) Нет, нет, решительно я вас вижу впервые!

Кругом смех, полувосхищенный, полуудивленный, восклицания и за всем этим шумом – четко:

– Такой-то.

– Вы? Боже! Простите меня, ради Бога, но я так плохо вижу, и у меня плохая зрительная память, и мы так давно не виделись, и тогда у вас были усы.

– Усы, у меня? Да я никогда в жизни не носил усов!

– Быть того не может. Я очень хорошо помню: маленькие, щеточкой усики.

– Но уверяю вас, клянусь, что никогда в жизни... Вмешиваются другие:

– Мадам, вы ошибаетесь, вы его путаете с кем-то другим, это и впрямь так: он никогда не носил усов!

– Странно. Я отлично помню. Маленькие, щеточкой.

Он, в отчаянии:

– Маленькие ли, большие, щеточкой или а-ля Гийом, я никогда не носил усов!

Я, разжалобленная неподдельным огорчением, причиненным мной, – этому незнакомцу:

– Ах нет! Успокойтесь! Я верю вам! Но – все-таки странно: я отлично помню: маленькие черные усики. А, погодите, погодите, не в очках ли дело? Конечно, была одна вещь, теперь ее нет – очки, а маленькая щеточка усов – это были брови. (Как бы сравнивая): Большие брови. Да, в этом, конечно, дело. Но все-таки странно – я отлично помню...

– В самом деле странно. Удаляется, уязвленный.

* * *

Положа руку на сердце: узнала ли я его, да или нет? действительно ли до такой степени безвозвратности я его не узнала?

В первый миг – да (то есть нет), во второй – что-то пронзило, в третий – я уже знала (узнала) голос, не лицо, которое я, впрочем, никогда не узнавала, но, воспользовавшись истинностью моего первого “нет”, уже закусив удила, продолжала не узнавать до конца.

* * *

С тех пор больше ни одного слова. Время от времени я слышу о нем – все одно и то же: дела идут плохо, сын растет.

* * *

А усы? Что касается усов, то я ничуть не лукавила. Я не только о них помнила, но как только он назвал себя, я увидела их и увидела, что их не хватает. И эти “щеточки бровей” тоже не были шуточной выдумкой. Видишь нечто поверх чего-то. Но пара ли это усов над парой губ или пара бровей над парой очков – это деталь, знать которую не мое дело, а его. Пусть удовольствуется “щеточкой”.

Надо ли добавлять, что он никогда не носил очков?

ПОСЛЕСЛОВИЕ, или ПОСМЕРТНЫЙ ЛИК ВЕЩЕЙ

Мое полное забвение и мое абсолютное неузнавание сегодня – не что иное, как твое абсолютное присутствие и мое полное поглощение вчера. Насколько ты был – настолько тебя больше нет. Абсолютное присутствие наоборот. Абсолютное может быть только абсолютным.

Подобное присутствие может стать лишь таким же отсутствием. Всё – вчера, ничего – сегодня.

Мое полное забвение и абсолютное неузнавание – только эхо (усиленное!) Вашего забвения и Вашего неузнавания независимо от того, узнаете Вы меня на улице или нет, интересуетесь новостями обо мне или нет.

Если Вы не забыли меня, как я забыла Вас, то лишь оттого, что Вы никогда не болели мною так, как я болела Вами. Если Вы меня не забыли абсолютно, – это оттого, что в Вас ничто не может быть абсолютным, даже безразличие. Я кончила тем, что не узнала Вас, Вы же никогда и не начинали узнавать меня. Если я кончила тем, что предала Вас забвению, то в Вас никогда не было меня настолько, чтобы Вы могли забыть меня. Что значит забыть кого-то? Это значит забыть, что мы страдали им.

Для того чтобы я, еще вчера не зная ничего другого, кроме Вас, могла сегодня не узнать Вас, нужно было именно, чтобы вчера я не знала ничего другого, кроме Вас. Мое забвение Вас – не что иное, как еще один титул благородства. Удостоверение Вашей ВЕЛИЧИНЫ в прошлом.

Посмертная мсть? Нет. В любом случае – не моя. Что-то (очень значительное!) мстит за меня и через меня. Вы хотите знать этому имя, которое я пока еще не знаю? Любовь? Нет. Дружба? Тоже нет, но совсем близко: душа. Раненная во мне и во всех других женщинах душа. Раненная Вами и всеми другими мужчинами, вечно ранимая, вечно возрождающаяся и в конце концов – неуязвимая.

Неизлечимая неуязвимость.

Это она мстит, покинув Вас, в ком она обитала и кого обнимала собою, больше чем море объемлет берег, – и вот Вы нагой, как пляж с останками моего прилива: сабо, доски, пробки, обломки, ракушки – мои стихи, с которыми Вы играли, как ребенок, – а Вы и есть ребенок, – это она мстит, ослепив меня. до такой степени, что я забыла Ваши видимые черты, и явив мне подлинные, которые я никогда не любила.

<1932> [6]

Перевод Р. Родиной. © . Перевод, 1994

Примечания

1

“Флорентийские ночи” (примеч. М. Цветаевой)

2

Entre chien et loup (между собакой и волком) – французская идиома, означающая “в сумерки”.

3

Дорогой (фр.).

4

Цветаева обыгрывает здесь слова: animal – зверь, ame – душа, anime – одухотворенность (примеч. перев.)

5

Книгу песен (нем.).

6 (Источник – Марина Цветаева. Собрания сочинений: В 7 т. том 5: – М.: ТЕРРА; "Книжная лавка – РТР", 1997 г.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!